

ГРИГОРИЙ ПЕРЕПЕЛИЦА
Институт внешней политики
Дипломатическая академия Украины
при Министерстве иностранных дел Украины

КУЛЬТ СИЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА

Мало кто верил, что в условиях XXI века, периода стабильности в Европе Россия станет не только нарушителем этой стабильности, но и бросит вызов всему существующему мировому порядку. Российская внешняя политика откровенно демонстрирует свой экспансионистский, конфликтогенный, агрессивный характер, опираясь на культ силы в условиях ослабления силового баланса между Западом и Россией. Такая внешняя политика генерирует конфликт России, как со своими соседями, так и с международным сообществом в целом. Именно такие изменения в современной российской внешней политике побудили автора к выяснению ее сущности и роли культа силы в ее реализации.

Как известно, внешняя политика призвана реализовывать национальные интересы страны на международной арене. Соответственно и характер внешней политики обуславливается природой национального интереса. Определенное теоретическое обоснование для понимания этой природы дает теория политического реализма. Именно эта теория, несмотря на свой консерватизм, дает наиболее точную оценку международным процессам, так как ориентируется на исследование объективной реальности, а не на теоретизирование и тиражирование абстрактных идей и представлений об идеальном мире.

Итак, применение теории политического реализма в исследовании российской внешней политики имеет большое методологическое и мировоззренческое значение поскольку: во-первых, дает возможность осознать сущность современных международных процессов, которые непосредственно

влиять на российскую внешнюю политику; во-вторых, понять поведение России, тип и характер ее интересов, как в многосторонних так и двусторонних отношениях; в-третьих, оценить степень адекватности действий Украины в отношениях с Россией; в-четвертых, выяснить природу российско-украинского конфликта, его причины, спрогнозировать тенденции дальнейшего развития и перспективы урегулирования.

Такой реалистический подход указывает на ложность устоявшихся представлений о вечном мире, незыблемости международного права и стабильности той международной системы, которая сложилась после окончания холодной войны. Подобная ошибочность в оценке международных процессов стоила международному сообществу Второй мировой войны, когда политики пытались пропагандировать и „реализовать универсальные интересы, тогда как ведущие страны мира реализовали собственные национальные интересы, применяя силу”¹.

К сожалению, подобную ошибку допускают и современные политики, когда либерально настроенная европейская и американская элита склонна игнорировать реальные международные процессы, историю и ориентируются на идеальные представления о мире, который должен соответствовать их политике, а не наоборот. Попытки современных западных политиков руководствоваться либеральными представлениями о России, как о демократическом европейском государстве - части Большой Европы и принудить ее к „стратегическому партнерству” неизбежно приведут к трагической ситуации, в которой Европа оказалась перед Второй мировой войной и не смогла предотвратить ее. Попытка же обосновывать согласно теории политического идеализма „неуместность государственного суверенитета это идеология господствующих государств, рассматривают государственный суверенитет других государств, как препятствие для использования собственного господствующего положения”².

Теория политического реализма дает удовлетворительное объяснение сущности и характера жизненно важных интересов России, которые воплощаются в ее внешней политике и которые определяют ее агрессивность, а следовательно и конфликтогенный характер украинско-российских отношений. Неслучайно понятие „национального интереса” является центральной категорией теории политического реализма. В основе любого политического интереса лежит осознание потребности во власти. Власть же измеряется способностью заставлять или покорять других своим интересам,

¹ Мальський М. З., Мацях М. М., *Теорія міжнародних відносин: Підручник*, 2-е вид. перероблене і доп., К.: Кобза, 2003, С. 285.

² Carr E.H., *The 20 Yarrs' Crisis: 1919-1939*, С. 13.

мерилом которой является сила. Именно поэтому ключевым принципом политического реализма является отождествление интереса и силы. Политика, как способ удовлетворения интересов действительна только тогда, когда она опирается на силу. Положение о силовом характере политики является квинтэссенцией теории политического реализма. Как отмечает Г. Моргентау: „Угроза физического насилия является органическим элементом политики, но его применение означает отказ от политической власти в пользу военной или псевдо военной. В международных отношениях военная сила – важнейший материальный фактор, который определяет политическое могущество государства”³.

Другой важный вопрос: что именно порождает потребность в силе? Сила нужна как для самосохранения государства, так и для покорения своим интересам других международных актеров. „Аккумуляция силы приводит к установлению власти над другими государствами и народами”⁴. Безусловно, что такая потребность формирует антагонизм интересов между субъектами международных отношений. На основании этого Г. Моргентау делает вывод: „Для современного мира характерна противоположность интересов, и как следствие конфликт между ними. Моральные принципы не могут быть соблюдены полностью, но к ним можно приблизиться, пытаясь установить баланс интересов, который, однако, всегда будет временным”⁵.

Из этого тезиса следует два ключевых вывода: об объективности и неизбежности конфликтов в международных отношениях и невозможности достичь баланса интересов без достижения равновесия в силе. Ведь согласно теории политического реализма – политический интерес тождествен силе. Более того, именно сила определяет реальность и полноту удовлетворения интересов. Концепция баланса силы является второй базисной составляющей теории политического реализма, поскольку она дает объяснение тому, как развивается система международных отношений, как она переходит из одного состояния в другое. Этот механизм раскрывается через исследование взаимозависимостей, которые отражаются в таких категориях как: „интерес” – „баланс силы” – „стабильность” – „конфликт”. О диалектике этих взаимозависимостей писал еще древнегреческий историк Фукидид. В частности, он утверждал, что стабильность отношений между государствами зависит от равновесия сил между ними, а войны возникают из-за их нарушения. Содержание самой теории баланса силы, по мнению ее исследователей, сводится к трем утверждениям:

³ Morgenthau H.I., *Politics among Nations*, New York 1967, С. 26–27.

⁴ Мальский М.З., Мацяк М.М., *op.cit.*, С. 288.

⁵ Morgenthau H.I., *op.cit.*, С. 3–4.

- основой нормальных международных отношений является стабильность, основанная на равновесии сил государств, которые могут воевать между собой;
- причиной войны является нарушение равновесия сил между государствами-врагами, что дает основания сильной стороне надеяться одержать победу и делает ее позицию бескомпромиссной, а поведение – агрессивным;
- стабильность можно поддерживать, создавая коалиции, направленные против сильнейшей из государств (нарушителя равновесия), к тому же суммарная сила членов коалиции должна быть не меньше силы противоположной стороны.

Таким образом, стабильность системы международных отношений обеспечивается балансом силы. На основе баланса силы формируется баланс интересов, который является залогом существования мира. Итак, миролюбивая внешняя политика состоит в том, чтобы не допустить в том или ином регионе мира преимуществ в силе одного государства над другими. Однако, исходя из собственных интересов, - по мнению американского геополитика Н. Спайкмена, - „государства заинтересованы только в таком равновесии, которое дает им хотя бы минимальное преимущество. На самом деле не равновесие, а определенное преимущество в силе является целью международной политики. Реальная безопасность заключается не в том, чтобы быть так же сильным как потенциальные враги, а в том чтобы быть сильнее их. Государство не имеет свободы действий, когда ее сила блокирована силой другого государства”⁶.

Такое стремление ведет к нарушению баланса в силе, которое в свою очередь разрушает баланс интересов и приводит систему международных отношений в нестабильное состояние. В свою очередь, как отмечал Макиавелли, столкновение интересов порождает насилие, которое в таком случае становится главным средством политики. Так возникают конфликты, высшей формой проявления которых, является война.

Таким образом, классики теории политического реализма утверждают, что мир и стабильность не имеют ничего общего с проявлением воли или ума, а есть только функцией равновесия сил и совпадения интересов (что всегда носит временный характер), поддержание которой является основной задачей внешней политики. Международные конфликты возникают из-за нарушения равновесия сил между государствами и противоречий их объективных национальных интересов⁷.

⁶ Мальский М.З., Мацяк М.М., *op.cit.*, С. 283.

⁷ *Ibidem*, С. 298.

Другим важным выводом политического реализма, который следует принять во внимание при изучении природы российских внешнеполитических интересов, является положение о субъективном и объективный характер национальных интересов. К субъектным предпосылкам войны известный английский философ Томас Гоббс относил: соперничество; недоверие и страх; стремление к славе и престижу. Среди объективных составляющих национального интереса является выживание и процветание нации, защита государственного суверенитета, безопасности и свободы, или наоборот, изменение статус-кво или достижения мирового господства.

Потребность в изменении своего статуса в системе международных отношений приводит к нарушению баланса силы на глобальном или региональном уровне и к возникновению международных конфликтов. Стремление достичь власти над другими государствами или распространить свое доминирующее влияние на других субъектов международных отношений формирует имперский характер национального интереса. Безусловно, что Россия живет в пределах тех международных реалий и закономерностей, которые описаны в теории политического реализма. Следовательно, ее поведение вписывается в те нормы и мотивы, которые определены этой теорией.

Имперский характер внешнеполитических интересов России обусловлен долгой эволюцией развития российской государственности, которая формировалась на фундаменте восточной деспотии, татаро-монгольской политической культуры, обусловленной потребностью к расширению, захвату огромного географического пространства и покорения соседних народов. Экспансия является имманентным родовым признаком российской государственности. Этой политической экспансии подчинена российская экономика, которая в подобных политических условиях может развиваться только экстенсивным способом, путем эксплуатации все новых и новых природных и людских ресурсов. Исходя из такого способа существования российской государственности, приоритетными жизненно важными интересами России всегда считались геополитические интересы. Доминирование геополитических интересов над экономическими, является сущностной отличительной чертой внешней политики России.

В этих политических и экономических условиях сформировалась и соответствующая духовная сфера жизни российского общества. Общественное сознание россиян пронизано имперским мышлением. Так называемые „духовные скрепя“ представляют собой смесь духовно-религиозных наставлений, направленных на формирование имперской политического сознания, как на идеологическом уровне, так и на уровне политической психологии и обычных стереотипов мышления и поведения.

Осознание национального интереса русским народом происходит через призму субъективных потребностей, описанных Т. Гоббсу. Главной из этих потребностей является соперничество в стремлении к гегемонии. Стремление видеть в окружающих своих соперников и покорять их своей воле и интересам, доминировать над ними укоренилось в характере русского народа. Даже дружба считается „братской”, когда россиянин в ней чувствует себя старшим братом, а другие „младшим”. Хорошо, когда такая черта проявляется в спорте на международных соревнованиях, но значительно хуже, когда она становится признаком российской внешней политики. Соперниками в этой сфере являются все народы и государства, которые мешают или не поддаются распространению на них российского влияния и российской власти, или более сильные глобальные игроки, мешающие России присоединиться к управлению глобальными процессами и достичь мировой гегемонии. На уровне политической идеологии такая потребность трансформируется в фобии, направленные против сверхдержав. Типичным идеологическим мейнстримом для России сегодня является „антиамериканизм”, согласно утверждениям которого, США заняли место мирового гегемона и мешают России занять подобное место.

Безусловно, что такая политика соперничества и гегемонизма противоречит интересам тех, против кого она направлена, а столкновение интересов по Макиавеллевской формуле порождает насилие. Таким образом имперский интерес России имманентно содержит в себе соперничество и гегемонизм.

Наряду со стремлением к гегемонии в российском общественном сознании живет чувство страха и ненависти к более сильным соперникам. Скорее всего, оно является сознанием собственной ущербности и неполноценности в столкновении с большей, непреодолимой силой, что в свою очередь вызывает потребность в применении насилия. Индульгенцию на такое насилие дает „образ врага”, который постоянно поддерживается российской пропагандой в общественном сознании россиян. Существование этого феномена в политическом сознании российского общества позволяет российской власти держать его в состоянии постоянной мобилизации. Наличие этого феномена объясняет, почему агрессивная внешняя политика России имеет такую высокую поддержку среди подавляющего большинства населения России. Наличие образа врага в общественном сознании россиян снимает с них ответственность за такую политику и оправдывает российские власти за все неурядицы и проблемы, с которыми рядовые россияне повсеместно сталкиваются в своей стране. Ведь перед угрозой внешнего врага можно подождать с решением этих проблем. Для россиян удобно переводить

причины своих проблем на „происки врагов”, которые якобы постоянно стремятся уничтожить Россию. Согласно такому мировоззрению рядового россиянина, Россия издавна и поныне окружена врагами, которых нужно уничтожать.

Следовательно, все те, кто не хочет подчиниться русским интересам или имеет отличный от русского мировоззрения взгляд, являются „врагами России”. В большой степени такое восприятие мира российским обществом подпитывает насильственный характер внешней политики России. Оно же является оправданием применения Россией силы, включая военную силу для реализации такой внешней политики по установлению российской гегемонии в окружающей международной среде. Такое насильственное общественное сознание оправдывает также аморальность российской внешней политики, аморальность, освященную русским православием. Хотя сфера морали во внешней политике имеет ограниченный характер, поскольку считается, что политика, построенная на моральных принципах допустима только до той грани, в которой она эффективна, а дальше наступает сфера насилия. Вместе с тем, нарушение этих моральных принципов приводит к войне, а сами войны за моральным критерием делятся на справедливые и несправедливые.

В российском общественном сознании любая война, развязанная Россией, считается справедливой, а следовательно – моральной. Согласно таких аморальных установок, Россия никогда никого не захватывала и ни на кого не нападала. Она всегда, или сама обороняла свою землю, или „освобождала” другие народы от захватчиков, даже если эти народы не желали такого „освобождения”.

Важным признаком имперского характера российской политического сознания является наличие в его структуре культа силы. „Культ силы” является жизненным кредом россиян. Неслучайно он широко распространяется средствами массовой информации и российских кинофильмах не только в России, но и за рубежом. Культ силы считается самым действенным достижением справедливости. Следовательно, если Россия применяет силу по отношению к своим соседям, это значит, что она стремится восстановить „справедливость”. Справедливость применения Россией военной силы на Донбассе, соответственно таким представлениям, воспринимается россиянами как стремление восстановить справедливость, защитить русский народ от „киевской хунты” и „бендеровских фашистов”, а не военной агрессией против Украины. Исповедание культа силы в свою очередь порождает пренебрежительное отношение к ценностям других народов и стран, которое сочетается с недоверием ко всему иностранному и западному. Так

в российском общественном сознании сложились ошибочные представления о том, что существование европейской цивилизации подходит к концу, Европа загнивает, а Европейский Союз является слабым и вскоре распадется, европейские товары являются некачественными, европейцы живут гораздо хуже и беднее, чем россияне.

Культ силы в российском общественном сознании тождественен понятию „величия”, „славы России”, „престижа всего русского”. Достижение величия России, возвращение статуса „Великой России” является фундаментальной потребностью российского общества, важной составляющей национальных интересов России. Этот национальный интерес достаточно точно выразил В. Путин своей фразой: „Россия или будет Великой, или ее вообще не будет существовать”. Таким образом, можно считать, что стремление россиян вернуть России статус „мировой державы” или сверхдержавы, которая должна находиться на вершине всей мировой иерархии международных отношений, является их главной национальной идеей. Эта идея выполняет не только апологетическую функцию в оправдании агрессивности и безнравственности российской внешней политики, но и играет важную компенсаторную роль в поддержании соответствующего духовного состояния российского общества, что ярко проявляется в его политической психологии.

Эта компенсаторная функция реализуется через догматы „русского мира”, которыми руководствуются россияне в своем повседневном поведении. Как отмечает один из исследователей доктрины „русского мира” Сергей Климовский в своей статье „Есть ли смысл спорить с русским миром?”, эта психология состоит из трех главных догматов. „Догмат **первый, базовый**: русские всегда правы. Правы, потому что они лучшие и главные люди на планете. Главные и лучшие потому, что в одиночку рогатиной победили Гитлера и 70 лет ежегодно побеждают немцев. Потому, что православие прямой путь в рай в обход чистилища католиков. Потому, что холостым выстрелом из Авроры высветили путь человечеству, построили развитой капитализм и почти коммунизм. Так как с коммунизмом не сложилось, то теперь строят лучший на планете капитализм по китайской модели с лицом Путина и его двойников. Странники этой догмы найдут еще миллион и одно доказательство, что они раса богов, избранный народ, передовой класс, новая общность, а каждый бож в России – Диоген, даже если живет не в бочке. Россияне - лучшие, *the best*, и точка. Раз лучше, значит главные.

Вторая точка. Раз главные - значит, могут поучать всех остальных – отсталых, узколобых, националистов, чурок, фашистов и т. д. **Точка третья, окончательная** и обсуждению не подлежит. Это чувство превосходства. На

этом коллективном личном чувстве собственного превосходства, которое глубоко сидит в подсознании россиян, уверенно играют Жириновский, Дугин, Гиркин и другие когда отменяют Украину, Литву, Беларусь или требуют вернуть Аляску. Часть российской публики впадает в экстаз от их откровений, а девки пишут стихи на смерть Беднова – Бэтмана ... Для этой (превалирующей части – авт.) части они герои-правдорубы, поскольку в отличие от дипломатических фарисеев из Кремля и наперекор им, говорят то, что хотят слышать русские и то, как россияне видят мир и себя в нем. Усредненный россиянин очень любит правду, особенно, когда она сладкая, а не горькая. А что может быть слаще: мы сами передовые и самые лучшие люди планеты, и от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее”⁸.

Таким образом, национальные интересы России, как и ее агрессивная внешняя политика, опираются на мощный духовный базис имперского сознания российского общества. На такую политику существует мощный запрос в российском социуме. Имперское сознание российского общества в свою очередь является источником конфликтности как внутренней, так и внешней политики России, поскольку с таким запросом не могут согласиться другие субъекты международных отношений. Такая имперская политика обычно может обеспечить гегемонию, однако не может обеспечить процветание русскому народу. Ведь развитие любой империи состоит из трех фаз: экспансии – гегемонии – упадка.

Изменение этих фаз происходит благодаря постоянной смене состояния баланса и дисбаланса сил в региональной и глобальной системе международных отношений. В своем развитии Россия как имперское государство входит в третий цикл повторения этих фаз. Завершение первого цикла привело к частичному распаду Российской империи в начале 20-го века в результате изменения баланса сил по результатам Первой мировой войны. Ее второе воспроизведения началось с новой экспансии большевистской России на территорию Украины, Кавказа, Центральной Азии и Прибалтики, которая завершилась образованием Советского Союза.

По результатам Второй мировой войны состоялась новая смена баланса силы в глобальной системе международных отношений, благодаря которой Советский Союз достиг гегемонии над половиной мира, заняв место сверхдержавы в мировой иерархии международных отношений. Окончание холодной войны ознаменовалось новым изменением баланса силы, что привело к упадку, а со временем и распаду СССР. В так называемый

⁸ Климковский С., *Есть ли смысл спорить с „русским миром“?* 18 VII 2015, www.hvylya.net/analytics/society/est-li-smysl-sporit-s-russkim-mirom.html (12 XI 2015).

постбиполярный период образовался новый дисбаланс в силе в пользу Запада, а не России. Именно такой дисбаланс привел к потере Россией статуса сверхдержавы и скатыванию ее к месту средней государства в иерархии международных отношений.

Очевидно, что такой статус не мог удовлетворить имперских интересов России, которые оставались перманентными во все времена ее существования, независимо от возможностей их реализации. Между тем, кроме имперских амбиций в этот исторический период в России остался один из атрибутов силы сверхдержавы – ядерное оружие. Именно оно дало России надежду пересмотреть установленный по результатам холодной войны баланс силы или наоборот дисбаланс с российской точки зрения: вернуть себе утраченный статус мировой державы.

Таким образом, третий цикл воспроизводства российского государства как империи, начался с приходом В. Путина к власти в 2000 году. Именно он начал восстановление имперской модели России с новой экспансии на постсоветское пространство, а также на окружающую международную среду, применяя доступные в то время экономические, политические, энергетические, финансовые и культурно-информационные средства. Цель такой экспансии – достичь полной гегемонии на постсоветском пространстве, распространив на него всю полноту власти российского государства, после чего установить российскую гегемонию на всем евразийском континенте. Это по планам Кремля позволит избавиться от „геополитической катастрофы России”, которая произошла в результате распада СССР, и впоследствии снова занять его место в мировой иерархии международных отношений. Но главным препятствием на пути к этой цели оказалась Украина, как независимое и суверенное государство. Устранение этого препятствия путем экономической и культурной экспансии, а также энергетических, экономических и информационных войн оказалось недостаточным. Последнее средство, которым Россия пытается достичь своей цели в решении этой геополитической проблемы с Украиной, стала военная агрессия.

Анализ ситуации, сложившейся в результате российской военной агрессии против Украины в этом новом третьем цикле воспроизводства российской империи уже в XXI веке, приводит к выводу о фатальной ошибке Запада в отношениях с Россией. Вместо того, чтобы разоружать Украину, Запад должен добиться укрепления международного режима контроля над вооружениями, в первую очередь над русскими, а не пытаться демократизировать ее политический режим.

Другой вывод, который следует из анализа природы национального интереса России, состоит в том, что эта природа является чисто имперской.

Итак, национальные интересы России носят ярко выраженный имперский характер, поскольку они являются выражением фундаментальных потребностей российского общества, а не только его политической власти. Имперский тип государства является национальной ценностью русского народа и не случайно россиян называют имперской нацией. В этом контексте нельзя согласиться с авторами, которые отделяют, или даже противопоставляют имперский интерес России национальному интересу, отождествляя последний со стремлениями русского народа как творца истории и носителя прогресса, который всегда праведный и справедливый.

В то же время, имперский интерес приписывают российской власти, который имеет главным образом негативную окраску и воспринимается как потустороннее зло, к которому русский народ никоим образом не причастен. Мол, если народ поддерживает агрессивную внешнюю политику российской власти, то в этом он не виноват, потому что такие взгляды навязала ему российская государственная пропаганда. В принципе, как можно обвинять русский народ, когда империя является его собственной духовной ценностью.

Относительно России и российского общества имперский интерес тождествен национальному интересу. Поэтому на тезис известного российского политолога Дмитрия Тренина: „Перестав быть империей, Россия становится государством-нацией”⁹ следует констатировать антитезисом: имперская русская нация воспроизводит государство-империю. Этот процесс воспроизводства носит перманентный характер, и несмотря на фазу упадка, он начинает восстанавливать российскую империю снова и снова переводя ее в новый цикл исторического развития. Изучая природу национального интереса, Г. Моренгау выделял в нем ядро – неизменную компоненту, в которую включал государственный суверенитет, безопасность и экономическое процветание, а также *переменную компоненту*, которая зависит от обстоятельств конкретного международной ситуации в конкретной исторический период. Если через призму этого определения взглянуть на природу русского национального интереса, то его ядром – постоянной константой является имперский интерес, имперская модель российской государственности.

Переменная компонента российского национального интереса определяется, прежде всего, изменением баланса силы в международных отношениях. В определенные исторические периоды складывается благоприятная конъюнктура в расстановке сил на международной арене для реализации

⁹ Тренин Д., *Интеграция и идентичность: Россия как „Новый Запад”*, М.: Изд-во „Европа”, 2006, С. 364.

имперских интересов России, а в другие времена неблагоприятная, которая наступает, в частности, в периоды установления равновесия сил, или дисбаланса в пользу более мощных геополитических игроков. Следовательно, этот общеметодологический обзор природы национального интереса России дает нам возможность перейти к главному, более важному вопросу: как национальный интерес интерпретируется и реализуется в отношениях с Украиной и, какое место она занимает в структуре этого интереса?

Ответы на эти вопросы позволяют нам решить основную дилемму украинско-российских отношений: войны или мирного сосуществования Украины и России как независимых государств. Если классик американской геополитики Н. Спайкмен утверждает, что конфликт в международной среде более характерен, чем сотрудничество, то тогда перед Украинской возникает вопрос: как выжить в условиях войны с Россией и при этом сохранить свой государственный суверенитет? Если сосуществования – то на каких условиях оно возможно и насколько оно может быть длительным и устойчивым?

История украинско-российских отношений доказывает, что такое сосуществование двух независимых государств возможно, но только в достаточно короткий исторический промежуток времени, в периоды слабости России и соответственно образования на этом фоне нового равновесия сил на международной арене. Такие отношения были следствием того силового дисбаланса, который сложился между Россией и Западом в пользу последнего. Такой дисбаланс позволил НАТО и ЕС расширяться на Восток Европы, бывшую зону советского влияния и распространять на этот регион демократические режимы. Россия восприняла это расширение Запада как геополитическое наступление на ее собственное геополитическое пространство. Однако будучи слабее, она не могла оказать активного политического и военного противодействия.

Именно в этих условиях стало возможным сосуществование Украины и России, в качестве независимых государств, которое было названо „стратегическим партнерством”. В этот период между двумя странами даже был подписан Большой договор *О дружбе, сотрудничестве и партнерстве*. Однако такой период был непродолжительным. Он был характерен для 2-й половины 90-х годов XX века. Уже в начале XXI века Россия начала восстанавливать свою мощь, аккумулировать силы для начала новой экспансии и не только на постсоветское пространство, но и на всю Европу. Изменение баланса силы на глобальном уровне, вызванное глобальным финансово-экономическим кризисом 2008 года разрушило стабильность

системы международных отношений, она вышла из состояния равновесия и начала трансформироваться в сторону многополярности.

Такое кардинальна переструктуризация глобального и регионального геополитического пространства открыла для России возможность пересмотреть старый баланс и установить новый баланс сил в Европе и мире в свою пользу. Пересмотр системы баланса сил открывает для России перспективу возвращения статуса мировой державы в иерархии международных отношений и создает наиболее благоприятные условия для реализации ее имперских интересов. Поэтому 2000-е годы можно назвать периодом нового цикла восстановления Российской империи, в течении которого Россия полностью завершила фазу политико-экономической и культурной экспансии на постсоветском пространстве и распространила свою энергетическую и экономическую экспансию на всю Европу.

Геополитический наступление России на Запад позволило ей остановить расширение НАТО и ЕС на Восток и перейти к захвату пространства Новой Восточной Европы путем военной экспансии и установления своей гегемонии на всем постсоветском пространстве, квинтэссенцией которой стала война, развязанная Россией против Украины. Таким образом, украинско-российские отношения перешли из состояния мирного сосуществования в состояние войны.

Скорее всего, эту войну следует рассматривать как форму отношений между неоимперским и неокOLONиальным государствами. Ведь, во-первых, Россия не отказалась от своих имперских амбиций, и эта война стала закономерным следствием возрождения российской империи. Во-вторых, политика России в отношениях с Украиной носила и носит ярко выраженный неокOLONиальный характер. Под этот неокOLONиальный тип двусторонних отношений подстраивалась вся экономическая система Украины с самого начала получения ею независимости и государственного суверенитета. Украинская властная политическая элита также имела признаки русской колониальной администрации, не осознавая в полной мере свою самостоятельную политическую субъектность.

* * *

Таким образом российская внешняя политики в отношении Украины опирается на культ силы, в результате чего украинско-российские отношения приняли форму открытого конфликта. Этот конфликт характеризуется следующими чертами.

1. Он носит имманентный характер, то есть внутренне присущий, свойственный природе украинско-российских межгосударственных отношений.
2. Российско-украинский конфликт является перманентным, то есть продолжается непрерывно и постоянно. Хотя такая перманентность не исключает периодов мирного сосуществования во времена ослабления России или усиления Украины, то есть достижения временного равновесия. В такие периоды конфликт переходит в латентную форму своего развития.
3. С точки зрения структурализма российско-украинский конфликт вызван внешними глобальными трансформациями, связанными с очередным перераспределением властно-силового баланса в мире между ключевыми геополитическими игроками, что в свою очередь приводит к кардинальным структурным сдвигам системы международных отношений в сторону многополярности.
4. Кроме внешних детерминант конфликт имеет внутреннюю природу, вызванную внутренними процессами, которые не выходят за пределы двусторонних сугубо украинско-российских отношений. Каждая из сторон имеет свою мотивацию в таком конфликте, внутренние причины, запускающие механизм и траекторию развития конфликта.

Следовательно, этот теоретико-методологический экскурс четко указывает на всю сложность урегулирования российско-украинского конфликта, в котором переплетены интересы не только двух стран, но и интересы региональных и глобальных игроков. Российско-украинский конфликт стал эпицентром борьбы за новый баланс силы, интересов и политического влияния на региональном и глобальном уровне, по результатам которой должна установиться новая система международных отношений, что произойдет еще не скоро.

Не менее важный вывод из этого экскурса заключается в том, что старая система баланса сил и интересов уже нарушена российско-украинской войной. А следовательно: система международных отношений, которая установлена на основе баланса сил сложившийся после окончания холодной войны уже вышла из равновесия и вернуть ее в прежнее состояние ни НАТО, ни ЕС ни США уже не смогут. Поэтому глобальный конфликт представляется неизбежным.

SŁOWA KLUCZOWE

Konflikt rosyjsko-ukraiński, polityczny realizm, międzynarodowe prawo, Europejska i Amerykańska przynależność do liberalizmu, rosyjski kult siły, przewaga, imperialna natura

Keywords

Russia-Ukraine conflict, political realism, international law, European and American adherence to liberalism, Russian worship of power, predominance, imperial nature

S u m m a r y

***The cult of power in the foreign policy of Russia
as a quintessence of the Russian national interest***

It is obvious that Russian foreign policy has an expansionary, conflictogenic and aggressive nature based on the worship of power in the context of power balance decreasing between the West and Russia. The imperial essence of Russian national interests is determined by its enduring great power statehood evolution. A dominance of the geopolitical interests over the economic ones is a substantial peculiarity of Russian foreign policy. During the so-called post-bipolar period a new power imbalance appeared in favor of the West, but not of Russia. Now Russia is striving to get the lost status of global power back. The Russian-Ukrainian conflict has become the epicenter of the struggle for a new balance of power, interests and political influence on the regional and global level, for the results it should be established a new international relations system that will not happen soon.